

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ Н.Я. МАРРА КАК ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

С.В. Сухов

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Институт иностранных языков
Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный пр., 4, Москва, Россия, 129226

Н.Я. Марр продолжает оставаться одной из самых загадочных и значительных фигур в истории отечественного (и в определенном смысле мирового) языкознания XX столетия. Многократно «развенчанный», он обладает удивительным свойством «воскресать» и вновь привлекать внимание не только лингвистов, но и людей, лишь косвенно соприкасающихся с этой наукой. Можно говорить о своего рода «марровском феномене», существующем в разных видах уже многие десятилетия. Очевидно, что этот феномен должен стать, хотя бы в силу своей устойчивости, объектом более подробного и объективного исследования, чем это было до сих пор. Данная статья представляет собой весьма краткое изложение основных выводов, обоснованных автором в его диссертационном исследовании.

Ключевые слова: новое учение о языке, парадигмальная революция, идеологизированный подход, парадигмальный анализ, лингвистический утопизм, лингвистическая доистория, происхождение языка, фонетически-сопоставительный анализ, персоналистский подход, нарративный анализ.

Начнем же мы с изложения некоторых фактов, подтверждающих устойчивость «марровского феномена», и, следовательно, актуальность данной темы.

Процесс изменения восприятия идей Н.Я. Марра и отношения к ним в истории отечественной лингвистики после 1950 года может быть разделен на ряд периодов. Первый начался сразу после известного выступления И.В. Сталина в дискуссии 1950 г. и продолжался примерно до середины 1950-х годов.

Интерпретация взглядов Марра и его роли в языкознании в это время развивалась всецело в русле тех положений, которые были изложены в статье Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» [16], т.е., Марр трактовался прежде всего как вульгаризатор марксизма, все его идеи целиком отвергались как негодные и порожденные невежеством и непониманием сути материалистического метода к изу-

чению языка; как альтернатива предлагалось возвращение к традиционному сравнительно-историческому методу; все это непременно сопровождалось восхвалением Сталина как величайшего светоча марксистской языковедческой науки и его статьи как недосыгаемой вершины лингвистической мысли. Во второй половине 50-х годов имя Сталина как творца марксистского языкознания по понятным причинам перестает упоминаться; вместе с этим прекращаются и массивные нападки на Марра, и эта тема, казалось бы, перестает быть актуальной.

Однако в начале 60-х годов обнаруживается, что забвение Марра вовсе не было окончательным и безоговорочным и в советском языкознании существует тенденция хотя бы частично «реабилитировать» некоторые марровские идеи. С одной стороны, это было связано с широкой критикой Сталина после XXII съезда КПСС (1961 г.); но, с другой стороны (и это, по нашему мнению, более существенно), это было связано с широким (хотя и запоздалым) проникновением в отечественную лингвистику именно в те годы концептуальных подходов западного структурализма. Распространение структуралистских подходов было с энтузиазмом встречено значительной частью отечественных лингвистов, увидевших в структурализме возможное заполнение той концептуальной пустоты, которая остро ощущалась в советском языкознании после дискуссии 1950 года и последующего устранения сталинской версии «марксистского языкознания» в середине 1950-х годов.

Но некоторыми другими языковедами проникновение структурализма было воспринято как угроза дегуманизации лингвистической науки, усугублявшаяся тем, что наряду с достижениями структурализма заимствовались и его недостатки, которые к началу 60-х годов XX века стали уже вполне очевидны.

В этих условиях «воскрешение» некоторых идей Марра как своего рода «щита» против структурализма стало представляться возможным и даже желательным. Именно антиструктуралистскими соображениями были продиктованы наиболее заметные выступления бывших учеников Марра в первой половине 60-х: статья Г.П. Сердюченко «О некоторых философских вопросах общего языкознания» [13] и особенно статья В.И. Абаева «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке» [1].

Однако настоящая полемика в то время так и не возникла. Структурализм был допущен в советскую лингвистику и стал широко применяться как совокупность конкретных методов исследования языкового материала; в то же время было признано, что некоторые его фундаментальные парадигмальные основы могут и должны подвергаться критике.

О «реабилитации» идей Марра не было и речи, однако стало возможным упоминание его имени в истории языкознания, в том числе в достаточно благожелательном аспекте. Ситуация, таким образом, не получила, и в те годы не могла получить сколь-нибудь окончательного разрешения. Этот период продолжался, по видимому, до начала 80-х годов, когда стал очевиден кризис и распад структуралистской парадигмы и наметился постепенный отход от нее большинства отечественных языковедов. Вновь возникло ощущение концептуального вакуума, тре-

бывавшего заполнения. В этих условиях влияние марровских идей (точнее, мифов, уже тогда отчетливо складывавшихся вокруг фигуры Марра) стало имплицитно возрастать; и, поскольку структурализм уже не мог быть эффективным «противоядием», полемика с давно умершим и развенчанным Марром неожиданно стала актуальной. Изменения в ситуации, связанной с восприятием роли Марра в истории отечественного языкознания, могут предстать в более ясном виде при сопоставлении двух работ Б.А. Серебренникова, опубликованных в 1968 и 1983 годах [14; 15] и формально посвященных сходной теме — соотношению внутренних и внешних (экстралингвистических) факторов в развитии языка.

Однако тональность этих работ совершенно различна, и связано это с тем, что вторая, более поздняя, представляет по сути развернутую полемику с идеями Марра, в то время как первая, более ранняя и хронологически более близкая к событиям 1920-х — начала 1950-х годов, такой полемики фактически не содержит.

В своей книге 1984 года Б.А. Серебренников внешне стремится, как и в работе 1968 года, проложить путь между «крайностями», критикуя те из них, которые, по его мнению, свойственны структурализму, гумбольдтианству и неогумбольдтианству, упоминает итальянскую неолингвистику и т.д., однако главным его оппонентом явно или имплицитно является весьма часто цитируемый Н.Я. Марр и его ученики — и в этом состоит резкое различие этой работы Б.А. Серебренникова с его же работой 1968 года. Автор приходит к выводу о существовании в советском языкознании мощного «неомарристского» течения, тянущего отечественную лингвистику назад к «идеализму» [14. С. 317]. В освещении Б.А. Серебренникова вольно или невольно Марр вырастал в одну из наиболее масштабных фигур языкознания XX столетия, оказывающую пагубное, но странно неотвратимое влияние на лингвистов самых разных взглядов и направлений — причем долгое время спустя после его «полного разоблачения».

Говоря о Марре и его ближайших учениках, Б.А. Серебренников очень часто воскрешал в своей книге дискурсивные особенности языка «разгромных» идеологических публикаций 30-х — начала 50-х. В условиях, когда работы самого Марра не могли быть объектом свободного изучения и обсуждения, все это могло приводить к росту подсознательного интереса и даже симпатий к «запретному плоду» и действительно усиливать имплицитное влияние идей Марра в советской науке.

Перемены, произошедшие в советском обществе во второй половине 80-х годов, казалось, должны были создать предпосылки для более глубокого и основанного на более широкой фактологической базе осмысления феномена Марра в истории советского языкознания. Однако долгое время новые публикации, относящиеся к «проблеме Марра», ограничивались статьями в периодических изданиях, большей частью принадлежавших неспециалистам. Только в середине 1991 года появилась книга В.М. Алапатова «История одного мифа», обозначившая очередной рубеж в осмыслении данной проблемы. В.М. Алапатов впервые после длительного перерыва сделал достоянием широкого читателя основные факты биографии Марра; он проследил в общих чертах некоторые этапы эволюции марровских идей при его жизни и отдельные важнейшие особенности их бытования после его смер-

ти — до 80-х годов XX века. Центральное место в книге В.М. Алпатова занимает освещение фактических обстоятельств, связанных с языковедческими дискуссиями рубежа 20-х — 30-х годов и особенно 1950 года. Можно сказать, что эти обстоятельства, касающиеся происхождения этих дискуссий и самого хода их проведения, выявлены В.М. Алпатовым с максимально возможной степенью достоверности и детальности; однако в целом он не стремится к какому-либо анализу того, что должно составлять предмет его изучения как историка лингвистики.

В.М. Алпатов бескомпромиссно объявляет идеи Марра от начала до конца невежественным бредом и порождением психической патологии, не имеющим отношения к какой-либо, хотя бы ошибочной, научной теории, а создателя этих идей представляет как ловкого, хотя и сумасшедшего, проходимца, который сознательно старался выдавать нагроможденные им нелепицы за «марксизм» и каким-то образом добился полного успеха, став главой «официального» советского языкознания и сохранив монополию своей «школы» и после смерти, вплоть до 1950 г. В этом В.М. Алпатов, пожалуй, идет дальше Б.Н. Серебренникова и авторов антимарровских публикаций начала 50-х годов, которые рассматривали взгляды Марра как ошибочные и вульгарные, но все же лингвистические. В целом книгу В.М. Алпатова можно расценить как яркий образец советской «перестроечной» публицистики с элементами ценного историко-политического (но не историко-лингвистического) исследования. В 2004 году эта книга была переиздана [2]; при этом основной ее текст остался без каких-либо изменений, однако в приложении помещены тексты ряда статей и выступлений автора с конца 1991 до 2003 годов, в которых положения основной монографии в ряде случаев развиваются и уточняются. С одной стороны, в последних статьях В.М. Алпатова заметно стремление воздать должное явной личной незаурядности Марра, сглажены некоторые прежние резкие формулировки, автор выражает свою готовность согласиться с признанием гениальных способностей Марра в некоторых областях, не имеющих отношения к лингвистической науке. С другой стороны, В.М. Алпатов в ряде случаев даже ужесточает свою прежнюю оценку, в частности, делает попытку доказать, что Марр якобы по складу своего мышления вообще был неспособен заниматься наукой — не лингвистикой, но наукой вообще [2. С. 263].

Пожалуй, самое интересное во втором издании книги В.М. Алпатова — это краткий обзор новейших публикаций, посвященных марровской проблеме. Само по себе значительное количество и неослабевающий поток этих публикаций, как в России, так и в других странах, частично проанализированный В.М. Алпатовым, красноречиво говорит, что тема Н.Я. Марра отнюдь не «закрыта». При этом, однако, отношение отечественных исследователей к Марру остается, несмотря на все увеличивающуюся временную дистанцию с прошлым, предельно предвзятым и идеологизированным. Практически, по нашему мнению, в отечественной науке происходит не процесс исследования марровского феномена, но создание (по крайней мере, попытки создания) новых мифов вокруг его имени. После мифа 1930-х годов о «Марре-марксисте», сменившемся в 1950-е годы мифом о «Марре — вульгаризаторе марксизма», а в 1990-е — мифом о «Марре-проходимце» или «Марре-

сумасшедшем», на рубеже XX—XXI веков конструируются новые мифы, которые можно условно обозначить как «Марр — академическая жертва большевизма», «Марр — грузинский националист», «Марр-провидец». Конструкты первых двух мифов представлены в статье востоковеда Я.В. Василькова, достаточно подробно рассмотренной у В.М. Алпатова [2. С. 269—272], третий же миф создается многими, и, кажется, ему готов отдать должное и сам В.М. Алпатов, когда он признает «правдоподобным» мнение Т.В. Гамкрелидзе о том, что марровские «четыре элемента» — это предвидение четырех молекулярных составляющих генетического кода в биологии [6], или когда он же интерпретирует высказывание Марра о том, что «новое мышление с трудом умещается в звуковую речь», как предвосхищение «визуальной революции в передаче информации», происшедшей, по мнению некоторых, в XX веке [2. С. 262].

Подчеркнем, что речь идет лишь о тех работах, авторы которых делают попытки как-то углубить и развить понимание марровского феномена. Большинство просто повторяет сложившиеся ранее негативные оценочные формулировки; упорное меньшинство подчеркивает научную значимость Марра, но без какого-либо подтверждающего анализа. Очевидно, что такое положение свидетельствует об определенном тупике в осмыслении марровской проблемы.

Ясно, что невозможно продвигаться далее в осмыслении этого феномена, расценивая марровскую лингвистическую теорию как простую смесь «фантазий и прозрений», или, тем более, конструируя новые мифы вокруг имени Марра. Дальнейший прогресс в рассматриваемой области может быть достигнут только при максимально возможной деидеологизации подхода к проблеме и демифологизации личности самого Марра. Последнее может быть достигнуто при восприятии его тем, кем он был в действительности — выдающимся ученым, в том числе и выдающимся лингвистом, но ставшим в конце концов на ошибочный путь. Но, поскольку мы имеем дело с выдающимся ученым, важно понять, что его ошибки — это не просто результат незнания или неумения разобраться в сути проблемы, как у обычного профана; эти ошибки имеют свою логику, являющуюся своеобразным преломлением логики развития той науки, к которой Марр принадлежал и которой искренне и с огромной энергией служил всю жизнь. Понять же истинную специфику Марра как ученого можно, только детально и непредвзято проанализировав то, что составляет сущность любого ученого — его творчество, его тексты. При этом в основу должен быть положен принцип сплошного фронтального анализа разных уровней содержания марровских текстов, наиболее характерных для различных этапов развития его теории.

Подобный анализ может показаться чрезмерно подробным; в действительности он, учитывая сложность проблемы, был вынужденно сжат в связи с ограниченным объемом работы. Тем не менее он позволяет прийти к выводам, которые, по мнению автора, представляют собой новый шаг в осмыслении марровского феномена, притом сделанный в сугубо историко-научном плане. Сам анализ текста должен опираться на правильный выбор общенаучных и историко-лингвистиче-

ских методов, в том числе новых, которые до сих пор еще не нашли применения в исследованиях по данной проблеме.

К числу важнейших методов, легших в основу анализа, проведенного автором статьи, относятся:

1) метод релятивистского деидеологизированного нарративного анализа, предполагающий максимально полное описание системы положений разбираемого автора исходя из его собственных позиций, без навязывания ему собственных взглядов и оценок; при этом, разумеется, не исключается конечная оценка проанализированной системы в целом; но эта оценка дается в контексте современной автору исторической ситуации, избегая модернизации;

2) метод историко-парадигмального анализа, восходящий к знаменитой теории «научных революций» Т. Куна и который в нашем случае прямо обусловлен спецификой материала, поскольку речь идет об эпохе крупнейшей революции в истории языкознания;

3) структуральный анализ, давно известный в науке, суть которого заключается, как известно, в анализе позиционно обусловленных отношений элементов при отвлечении от свойств и природы самих этих элементов; этот анализ был применен в данной работе к пресловутым «четырем элементам» Марра и дал неожиданные и, по мнению автора, исследовательски значимые результаты;

4) метод, который можно условно назвать «постструктуральным»; он заключается в том, что тексты Марра, в некотором согласии с постулатами постструктурализма и постмодернизма, интерпретируются как некая игра, далекая от того, чтобы открыть истину, но имеющая внутреннюю логику; правила этой игры предлагается принять без рассуждений об их истинности или ложности; при этом открывается возможность анализа «изнутри» многих особенностей марровских текстов; но при этом автор должен предостеречь от злоупотребления такими подходами, так как при этом существует риск превратить Марра из академического ученого начала XX века в фигуру современного постмодерна, создав, таким образом, еще один миф о нем;

5) марксистский философский анализ применяется в тех случаях, когда необходимо доказать, что постулаты Марра не были марксистскими, даже в «вульгаризованном» виде, то есть для получения результатов «от противного»;

6) персоналистский подход — анализ особенностей личности Марра, проявляющейся в особенностях его текстов — важность этого подхода в данном случае нельзя переоценить.

Кратко резюмировать выводы автора можно в следующем виде:

1) «Новое учение» о языке должно рассматриваться как явление истории лингвистики, как одна из теорий, порожденных общим кризисом в языкознании в конце XIX — первой трети XX века, а ее создатель — как один из представителей академической науки, принявший в этой лингвистической революции активное участие. Другие подходы, по нашему мнению, могут привести лишь к умножению и без того многочисленных мифов, складывающихся вокруг учения Н.Я. Марра и его личности;

2) в основе теоретических построений Н.Я. Марра лежал воспринятый им метод историко-лингвистического фонетическо-сопоставительного атомарного анализа, считавшийся в рамках младограмматизма конца XIX века единственно научным. Усилия Н.Я. Марра были направлены на совершенствование этого метода и расширение границ его применимости; в конечном счете, однако, Н.Я. Марр довел разрабатывавшийся им метод до таких пределов, где он утратил всякую верифицируемость с позиций традиционной лингвистической науки;

3) применяемый Н.Я. Марром метод анализа языковых явлений с позиции «палеонтологических» фонетических элементов (в наиболее известном варианте — четырех) хотя и не является в традиционном смысле верифицируемым, обладает собственной структурой, внутренне упорядоченной и логической, хотя и не вполне строгой; это обстоятельство и явилось, на наш взгляд, причиной непреклонного отстаивания Марром своих позиций и его глубокой непреходящей убежденности в том, что в научной достоверности нового метода можно будет убедить если не традиционную академическую науку, то новое поколение ученых-лингвистов;

4) в целом марровское учение можно рассматривать как своего рода синтез парадигмальных установок лингвистики первой половины XIX столетия с новыми чертами языкознания первой половины XX века; синтез этот, как уже говорилось, осуществлялся на фундаментальной основе воспринятого у младограмматиков историко-фонетического подхода при парадоксальном преобразовании этого подхода;

5) элементом, принадлежащим XX столетию, в синтезе Марра было стремление к социологическому (вернее, социокультурологическому) подходу к явлениям языка. Этот социологизм Марра был глубоко своеобразным и не имел ничего общего с марксизмом, хотя и трактовался самим автором как «параллель» к марксизму; причем этот «социологический анализ» парадоксально осуществлялся в основном на материале лингвистической и общественной «доистории»;

6) в парадигме языковедческой науки первой половины XIX века Марром были восприняты предельно общие установки — представление о творческом характере «доисторического» периода в развитии языка, стремление к «объяснительному» (а не описательному) анализу фактов языка, рассмотрение явлений языка в комплексе с явлениями, изучаемыми другими науками — археологией, этнографией и т.д. Конкретные направления в изучении языка, преемственно связанные с наукой первой половины XIX столетия — единство глоттогонического процесса, историческая семантика, стадиальная типология, хотя и декларировались Марром как весьма значимые и занимали определенное место во многих марровских работах, не были, по нашему мнению, узловыми пунктами его учения. Эпистемологически марровская теория была однонаправленной и всецело ориентирована на изучение лингвистической «доистории» и следов этой доистории в современных языках с помощью разработанного Марром элементного анализа. Тем, что Марр не был исследователем семантики в общепринятом понимании, объясняется невозможность (по-видимому) возрождения в научном плане интереса к марровскому наследию в современных условиях, несмотря на особую значимость изучения семантики в нынешнем языкознании;

7) одним из наиболее оригинальных тезисов Марра нужно считать, на наш взгляд, положение о сознательном созидании языка как продукта речевой деятельности людей на всех этапах его развития и особенно о «неуничтожимости» результатов этого созидательного процесса, которые продолжают сохраняться в базовых уровнях языка (фонетическом, морфемном, семантическом) на всех последующих этапах его исторического развития; это и служит основанием применимости «палеонтологического» элементного анализа как основного средства изучения языка;

8) развиваясь как одна из теорий, возникших в рамках научной революции в лингвистике начала XX века, учение Марра в процессе этой революции развивалось по линии, внутренне логически обусловленной, но ведущей ко все большему обособлению от других новых научных направлений и противопоставлению им. Поэтому отыскать точки соприкосновения марровской теории и других вновь возникавших лингвистических теорий того времени, даже «маргинальных», практически почти невозможно. Если такие точки и обнаружатся, они, по нашему мнению, не будут существенны;

9) основные этапы (определяемые в данном случае не столько хронологически, сколько логически) внутренней эволюции марровской теории, противопоставившей ее всему остальному языкознанию, по нашему мнению, примерно следующие: попытки расширить круг родственных связей грузинского и близкородственных ему языков (во многом еще в рамках традиционного сравнительно-исторического подхода), приведшие к постулированию существования яфетической семьи языков; стремление максимально удреветь время возникновения яфетических языков и представить их как языки древнейшей цивилизации — основы всех последующих цивилизаций; определение яфетических языков как представителей не особой семьи, но одного из хронологически древних этапов развития всех человеческих языков; конструирование «классовой» социологической теории языка на «доисторическом», «палеонтологическом» языковом материале. Таким образом, можно видеть, что на первых трех этапах вектор развития марровской теории вводил ее все дальше в прошлое, что резко противоречило общей линии развития всех других теорий того времени (и «основных», и «маргинальных»), все более смещающихся в сторону синхронического изучения языка; у Марра же эта тенденция развития, интуитивно воспринятая, привела к созданию парадоксального «социологического» анализа на материале языковой доистории, что довершило его полный разрыв с остальным языкознанием. При этом, по нашему мнению, тот факт, что Марр прибегал к «марксистской» оболочке своих теорий, в конечном счете несущественно; при других исторических обстоятельствах он мог прибегнуть к иной социологической теории, но с лингвистической точки зрения результат был бы тем же;

10) в целом научный метод Марра (в общем, широком смысле) может быть охарактеризован как лингвистический утопизм, то есть особого рода синтез элементов процесса познания, которые не могут быть верифицируемы в рамках обычного научного подхода и потому могут трактоваться как мифологические;

и элементов, принадлежащих к сфере логического рационального анализа, т.е. к сфере обычной науки. Элементы того и другого рода образуют у Марра неразрывное единство. Утопичность подхода Марра проявляется в убежденности безгранично расширить с помощью созданного им метода возможности познания языка в хронологической перспективе — как в прошлое, так и в будущее;

11) оценивая перспективы использования наследия Н.Я. Марра для настоящего и будущего лингвистической науки, следует сказать, что сейчас эти перспективы представляются крайне неясными. Нужно еще раз подчеркнуть, что теория Марра обладает большой внутренней цельностью и попытки использовать отдельные «приемлемые» марровские положения, произвольно изъятые из общей конструкции марровских текстов, вряд ли могут быть продуктивными. По мнению автора, некоторые идеи Марра могут быть в какой-то мере возвращены в сферу научного обсуждения (в позитивном или критическом плане) только в одной области — изучения происхождения языка, если эта проблема когда-нибудь выйдет из состояния застоя и займет подобающее место в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абаев В.И.* Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. — 1965. — № 3.
- [2] *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. — 2-е изд., дополненное. — М., 2004.
- [3] *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. — Изд. 3-е. — М., 2001.
- [4] *Алпатов В.М.* Марксизм и марризм (заметки неисторика) // Восток. — 1992. — № 3.
- [5] *Алпатов В.М.* Современные публикации о марризме. В кн.: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. — Изд. 2-е. — М., 2004. — С. 266—277.
- [6] *Гамкрелидзе Т.В.* Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. — 1988. — № 5.
- [7] *Гельгардт Р.Р.* Избранные статьи: Языкознание, фольклористика. — Калинин, 1966.
- [8] *Зуев К.В.* Идеологизация языка в политических, авангардных и научных текстах начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. — Ставрополь, 2005.
- [9] *Марр Н.Я.* Избранные работы. — Т. 1: Этапы развития яфетической теории / Предисловие В.Б. Аптекаря. — Л., 1933.
- [10] *Марр Н.Я.* Избранные работы. — Т. 2: Основные вопросы языкознания. — М.-Л., 1936.
- [11] *Марр Н.Я.* Избранные работы. — Т. 3: Язык и общество. — М.-Л., 1934.
- [12] *Марр Н.Я.* Избранные работы. — Т. 4: Основные вопросы истории языка. — М.-Л., 1937.
- [13] *Сердюченко Г.П.* О некоторых философских вопросах общего языкознания / Теоретические проблемы современного советского языкознания. — М., 1964.
- [14] *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
- [15] *Серебренников Б.А.* Об относительной самостоятельности развития системы языка. — М., 1968.
- [16] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. — Госполитиздат, 1950.
- [17] *Филин Ф.П.* Советское языкознание: теория и практика // Вопросы языкознания. — 1977. — № 5.
- [18] *Velmezova E.V.* Les lois des sens: la sémantique marriste. — Berlin, 2007.

**THE NEW THEORY
OF LANGUAGE BY N.YA. MARR
AS A PHENOMENON OF THE LINGUISTIC SCIENCE**

S.V. Sukhov

Department of theoretical and applied linguistics
Moscow City Pedagogical University
2nd Selskokhoziajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russia, 129226

The author states a permanent reproduction of the so named «marr's myth» in russian and in a less degree in foreign linguistics to eliminate that the author insists on regarding the marr's theory as a phenomenon of historical development of the linguistics science, and not as a pathology or a product of anybody's wicked will. The author's intention is to show the marr's theory and it's shocking faults themselves as an odd reflection of the paradigmatic revolution in linguistics in the first half of the 20 century.

Key words: The new theory of language, paradigmatic revolution, strictly ideological approach, paradigmatic analysis, linguistic utopia, linguistic prehistory, genesis of language, phonetic comparative analysis, personalistic approach, narrative analysis.